

Банин - литературный феномен, неординарная личность

(Окончание. Начало
в предыдущем номере)

С Иванов Буниным Банин познакомилась 13 июня 1946 года. Банин - гордая и способная выносить свои собственные суждения, не полагаясь на чужие мнения, и Иван Бунин - абсолютный авторитет среди литераторов-эмигрантов. Бунин влюбился в нее с первого взгляда и сразу напросился к ней в гости. Ему было 76, а ей - 40. Тем не менее, меж ними закрутился романк Роман платонический, больной, сложный, похожий на еду по американским горкам - вверх-вниз, вверх-вниз. Вместе они не раз проводили вечера у камин в квартирке Банин.

Как вспоминала Банин: "Он казался царственно величав, выражение лица у него часто было надменное. Надменность Бунина надевал, как тогу, чтобы показать дистанцию, отделяющую гения от простых смертных. Но стоило ему немного разойтись, а этому в немалой степени способствовал его темперамент, как тога спадала. Должна признаться, что мне нравилась его надменность. Она напомнила мне мою первую литературную любовь - князя Андрея Болконского. Кроме того, я была очарована его воспитательной молодостью духа".

Бунин же был очарован восточной красотой Банин. Называл ее то "шемаханской царицей", то "черноокой газелью", то "черной розой", о которой он мечтал всю жизнь.

"Дорогая госпожа Банин! Как видите, нас разделяет всего лишь одна только буква", - написал ей мэтр русской литературы 30 июня 1947 г.

Спустя два месяца после знакомства он подарил ей свою фотографию - в мягкой шляпе, надвинутой на глаза, выражение лица мечтательное и надменное, усталое и ироничное.

Под фото вечным бунинским пером выведено: "Что перед этим ваш немецкий писатель?" (фраза была своеобразным проявлением ревности по отношению к Эрнсту Юнгеру, чье фото он увидел на камине у Банин в свой первый приход), а на обороте - "Позвольте, Джанам, сказать словами Карла Ивановича из "Детства"

Голстого: Помните близко, Помните далеко. Помните еще и навсегда. Как верен я любить умею! Ив.Б., 18 августа 1946 года, Париж".

В гостях у Бунина Бунин садился в кресло, они пили чай и говорили о литературе. Их беседам не было конца, им было хорошо и интересно вдвоем, но тем не менее, это были сложные отношения: Бунин раздражало прохладное отношение возлюбленной к его творчеству, а также ее упорное нежелание писать на русском языке - она писала исключительно на французском, никогда не скрывая, впрочем, своего происхождения. Когда он сердился (а это с ним случалось часто), то стучал по полу тростью и громко кричал.

Банин, в свою очередь, обвиняла Бунина в черствости и эгоизме. Роман продлился очень недолго - однажды они в очередной раз пустились в словесную перепалку и разругались вдрызг. И расстались. Через много лет, когда Банин было около шестидесяти, она решила воскресить в памяти эмоции своего любовного романа и события тех романтических лет и написала повесть "Последний поединок Ивана Бунина" - об их несостоявшейся любви.

Банин не идеализирует Бунина в своем романе, воспроизводит его образ с учетом уже сложившегося о нем представления в эмигрантской среде, добавляет подробности и детали, показывает слабости, поведение в быту, черты характера, взаимоотношения в семье, с женой, с другими женщинами.

Многие историки и литературоведы стремились

понять, почему не сложились отношения этих двух неординарных людей. А причина была проста: несмотря на то, что Банин уже была довольно известной писательницей, Иван Бунин спорил с ней и откавывал ей в праве иметь свою точку зрения. Банин же была человеком не только проницательным, но и очень великодушным. Она умела понимать индивидуальности.

В своих воспоминаниях о Бунине Банин писала: "Вера Николаевна, жена Ивана Бунина, стоически сносила все амурные приключения мужа. И в этом была права и мудра. Потому что для писателя такого типа, как Бунин, создания климата наибольшего благоприятствования - вот единственно правильное условие. Мудрость Веры Николаевны заключается в том, что она повернулась так, что профиля ее уже было не видно и все лучи славы беспрепятственно доходили до Бунина, не задерживаясь ни на каких препятствиях".

Банин "в профиль" стать не смогла. Не хотела и не умела. Она была известна во Франции не только как автор замечательных романов, но и как прекрасный переводчик художественной литературы с русского, английского и немецкого языков. Она считалась одним из лучших знатоков творчества самого Бунина и Достоевского. Некоторые произведения последнего она перевела на французский.

Покойный Рамиз Абу-талыбов, посол по особым поручениям МИД Азербайджанской Республики, ответственный секретарь Национальной комиссии

по делам ЮНЕСКО, кавалер Французского ордена "Почетного легиона", советский и азербайджанский дипломат, общественный деятель, исследователь истории азербайджанской эмиграции, проработавший во Франции шестнадцать лет, вспоминает о своих встречах с Банин, которая прожила долгую жизнь и скончалась лишь в 1992 году, рассказывал, что "принадлежность к богеме делала ее недоступной, к тому же она сама всячески избегала контактов с соотечественниками, переживая, что Азербайджан так легко, без борьбы, примирился с навязанной Лениным большевиками".

"Фактически я был первым азербайджанцем, с кем она пошла на сближение, - говорил Рамиз Абу-талыбов. - Произошло это в 1981 г., на выставке азербайджанских ковров в Париже. В канун открытия я послал ей открытку с приглашением, не надеясь, что она его примет. К моему удивлению, Банин пришла, да не одна, а с импозантного вида пожилым французом. Для своих преклонных лет она выглядела достаточно молодо и даже жеманно, что ей очень шло. Она гордилась своим азербайджанским происхождением - не турчанка или персиянка, за которых для ложного шарма выдавали себя некоторые наши сородичи, а именно - азербайджанка. Она была очень своенравной и неординарной личностью, в чем-то даже склонной к эпатажу. Так, в ответ большевикам, называющим религию "опиумом для народа", Банин написала книгу с шокирующим названием "Я выбрала опиум" (вышедшей в 1959 г.), которая имела большой успех".

"Помнится, когда я познакомил ее с известным азербайджанским художником, - продолжал Рамиз Абу-талыбов, - он на прощанье преподнес ей две банки черной икры. Приняв подарок, Банин посмотрела на него в упор и шуточно спросила: "И это все?". Он ступешался и смущенно произнес: "А что, мадам?" - "Ничего, - улыбнулась писательница, - покидая Баку, мы оставили там гораздо больше".

Несмотря на то, что Банин влилась во французскую литературу, она про-

должала оставаться верной дочерью своего народа, глубоко переживала события в Карабахе, говорила о них, как о "происках дашнаков". Она была членом парижской ассоциации "Азербайджан эви" и активно выступала в СМИ Франции по поводу конфликта в Нагорном Карабахе, внося тем самым солидный вклад в защиту своей родины.

В тяжелые для азербайджанского народа дни Банин выступила во французской газете "Монд" 20 января 1990 г. со статьей под заголовком "Нагорный Карабах". В этой статье Банин дала информацию о Карабахе, армянах, переселенных царским правительством в результате войны с Персией и Турцией на азербайджанские земли еще в начале XIX века. Она рассказала о давних притязаниях армян на азербайджанские земли, о связях дашнаков с большевиками и совместных их акциях против азербайджанского народа.

"В то время как часто говорят об армянах как о "жертвах" османского империализма, почему-то никто не говорит о тех зверствах, которые армяне учинили в Азербайджане в прошлом", - писала в статье Банин.

Когда Банин скончалась, газета "Фигаро" сообщила о смерти "первой франкоязычной писательницы-азербайджанки, являющейся национальной славой Азербайджана". К сожалению, в Азербайджане Банин очень долгое время была практически неизвестной - несмотря на большое литературное наследие, включающее романы, публицистику, переводы, дневники и письма, а также переиздания ее книг и незаконченные рукописи.

Лишь в 1988 году в Баку на азербайджанском языке увидел свет ее роман "Кавказские дни" в переводе с французского Гамлета Годжаева. Стали появляться заметки и сообщения о ней и ее творчестве. Условно это творчество можно разделить на две части: произведения, в которых воспроизводится азербайджанская тема, мотивы, воспоминания и ретроспекция, и те, что относятся к французской, европейской тематике.